

ное письмо президента по индейскому вопросу, Эмбри замечает: «Со времен Вашингтона почти каждый президент выступал с планом разрешения индейской проблемы, как только позволят обстоятельства, как только будет возможность, но никто не развивал этих возможностей и не создавал обстоятельств» (стр. 220).

В заключение автор вносит ряд предложений, направленных на улучшение положения индейцев. Он считает, что Бюро по индейским делам, как давно изживший себя бюрократический аппарат, должно быть упразднено и резервации необходимо передать в ведение штатов на положении самостоятельных административных единиц. Индейцам должно быть предоставлено действительное равноправие наряду с другими гражданами США; Конгресс должен отменить все дискриминационные индейские законы; индейцам должно быть обеспечено право самим распоряжаться их землями и денежными фондами; каждому индейскому ребенку необходимо обеспечить возможность учиться; необходимо немедленно начать ликвидацию неграмотности взрослых; учителями должны быть сами индейцы, получившие образование. Несомненно, что проведение в жизнь этих мероприятий содействовало бы развитию материальной и духовной культуры индейцев.

Книга Эмбри читается с живым интересом. В ней нет голословных утверждений. Исключительно на фактах, взятых из конкретной действительности, автор рисует сегодняшний быт индейцев, безгранично далекий от того «американского образа жизни», который рекламируют буржуазные круги США. Тем самым книга Эмбри вносит ценный вклад в дело борьбы прогрессивных сил Америки против бесправия и угнетения индейцев и других национальных меньшинств США.

Ю. Аверкиова

Eva Lips. *Das Indianerbuch*. Leipzig, 1956, стр. 443, 32 таблицы и карта.

Рецензируемая книга по своему содержанию и направленности заметно выделяется среди зарубежных этнографических изданий последних десятилетий.

Автор — известная прогрессивная исследовательница Германской Демократической Республики, доцент кафедры этнографии Института имени Юлиуса Липса при университете имени Карла Маркса в Лейпциге — определила назначение своего труда в предисловии: «Пусть эта книга послужит углублению знаний об индейцах, пусть она побудит к более серьезному изучению их и покажет благородство их души — во славу истины и стремления сблизить между собой народы мира» (стр. 12). Благодаря обилию умело подобранных фактических данных книга Евы Липс — ценный научный труд, а живая, легкая манера изложения делает ее популярной в лучшем значении этого слова. Особенно привлекает в этой работе пронизывающий ее гуманистический дух и теплый тон, интерес не только к народу в целом, но и к отдельным описываемым живым людям. «Наша книга имеет героев двух родов: это индейцы и действительность» (стр. 9), — пишет автор. Ева Липс напоминает, что в процветавшей в XIX в. обильной литературе об индейцах героями были европейцы, индейцы же выступали скорее для того, чтобы оттенить мужество и благородство «белых», якобы особо отмечающее их. Тенденциозное изображение индейцев стало ходячим среди буржуазной публики, говорит Липс. Автор ставит своей задачей опровергнуть эти неверные представления и описать индейцев такими, каковы они в действительности.

Е. Липс не стремилась дать исчерпывающий этнографический обзор Америки; пять частей книги посвящены отдельным областям индейистики. В первой части сообщаются данные о заселении Америки и дается общая характеристика индейских групп. Вторая и третья части посвящены религии, обычаям межплеменного общения и фольклору. После третьей части автор помещает «интермеццо» под заглавием «Пришельцы из Африки». Четвертая часть посвящена государству инков. В пятой, заключительной части и главе автор описывает личные встречи с индейцами во время путешествия по Северной Америке, совершенного совместно со своим мужем — известным этнографом Юлиусом Липсом.

Дав краткий очерк открытия Америки и вторжения испанцев в XV—XVI вв., Ева Липс останавливается на численности населения Нового Света к этому моменту и сравнивает эти цифры с современными. Автор отмечает, что если в Северной Америке численность индейцев (без метисов) сократилась примерно в четыре раза, то в южной половине Нового Света (южные территории США) эта численность осталась примерно той же (сначала она сократилась, но затем компенсировалась); вместе же с метисами население индейского происхождения ныне достигает 50 млн. чел. (стр. 42—43).

В главе «Заблуждения — фантазии — действительность» автор опровергает неправильные представления о внешнем облике индейцев, об их языках и т. п. Автор приводит результаты исследований немецкого ученого Фридрихи, опровергающие обывательские представления о якобы повсеместно распространенном скальпировании. В действительности скальпирование было распространено далеко не у всех индейских племен; с другой стороны, этот обычай существовал и в древней Европе, как отмечено Геродотом. Автор приводит объяснение относительно религиозного происхождения

обычая скальпирования, связывает его с обычаем выбривать тонзuru (стр. 66—75). Можно было бы прибавить к этому, что обычай скальпирования получил широкое распространение у тех индейских племен Северной Америки, которые были втянуты в войну за американские колонии между французами и англичанами, и в значительной степени именно благодаря тому, что европейцы стимулировали его, платя за скальпы врагов.

Глава III первой части посвящена важной проблеме классификации народов Америки. Автор подчеркивает, что «языковые группы не тождественны с культурными группами» (стр. 84), приводит краткие данные о классификациях Пауэлла и Мак Ги для Северной Америки, Риве и Лоукотки для Южной Америки и кончает тем, что присоединяется к мысли известных лингвистов Мейе и Коэна: «Кто пытается точно и исчерпывающе классифицировать все языки, показывает тем самым, что он не понял основ генетической классификации языков» (стр. 37).

В книге Е. Липс приведены только самые крупные языковые семьи, установленные еще Пауэллом и другими американскими учеными XIX в., названия групп, ставшие традиционными. Автор указывает далее, что деление только по лингвистическому признаку мало характеризует народы, не имеющие письменной истории. Приняв принципиально установленное в советской этнографии понятие хозяйственно-культурного типа, Ева Липс полагает, однако, что среди индейцев нельзя найти такие типы в чистом виде. Сама она характеризует отдельные группы по формам хозяйства. Лучшее всего описан хозяйственный тип «жнецов», вернее собирателей-жнецов (Erntevölker), охарактеризованный и введенный в науку под этим названием Юлиусом Липсом. Речь идет о народах, собирающих урожай какого-либо одного дикорастущего вида — злаки, орехи, плоды и т. п. — и живущих полуседло в районе его распространения. Сюда относятся собиратели некоторых видов семян и орехов юго-запада Северной Америки, собиратели желудей Калифорнии. Наиболее яркие представители этого типа хозяйства — собиратели дикого риса в районе Великих озер. Еще в наши дни индейцы оджибве и меномини в определенное время года выходят массами на жатву этого злака; даже живущие и работающие в городах съезжаются на это время на родину, проводя свой отпуск за традиционным занятием.

Не ограничиваясь характеристикой хозяйства, автор останавливается на понятии «культурной зоны», однако считает это понятие неопределенным и переплетающимся с делением по формам хозяйства (стр. 108). Ева Липс приходит к заключению, что вообще лучше предоставить ученым свободу устанавливать группировки по тому или иному принципу; она считает, что допустимо также называть индейские народы (особенно достигшие классовой дифференциации) нациями, как это повелось в старой американской литературе (стр. 109). Вывод, к которому пришла Ева Липс, еще раз подтверждает тот факт, что этнографическая наука не выработала еще общепризнанного критерия для классификации народов.

Если против мнения Евы Липс в этом вопросе нет оснований особо возражать, то удивление советского читателя вызывает ее подход к понятию племени (Stamm). Поставив вопросы «существуют ли в действительности индейские племена?» и «что такое, в сущности, племя?» (стр. 109), она обращается к сообщениям иезуитов, которые де были правы, не употребляя этого термина. От авторов XVII в. она непосредственно переходит к датскому этнографу Каю Биркет-Смиту, который утверждал (в 1948 г.), что понятие «племя» носит чисто географический характер, но никогда не имеет политического содержания (стр. 110). Это утверждение автор ставит под сомнение и для разрешения его обращается к этнографическим и юридическим справочникам США. Не удовлетворившись ими (что вполне естественно), она объявляет вопрос о том, «что такое племя», догматическим и отказывается дать определение этого понятия. «Тем не менее, — пишет она, — мы достаточно смелы, чтобы употреблять это слово без всяких претензий. Там, где мы его применяем, оно означает группу индейцев со своей собственной формой управления и собственными брачными законами, которые (индейцы) традиционно связаны между собой и живут вместе, по крайней мере в основных группах» (стр. 111). Примерно так же подходит автор и к союзу племен.

Для советского читателя остается непонятным, почему автор не считает нужным обратиться к работам Л. Г. Моргана и особенно к классическому труду Ф. Энгельса, который дает развернутую характеристику индейского племени, называя его тем же термином Stamm. Непосредственно за этим Энгельс описывает и союз племен<sup>1</sup>.

Если автор не согласен с этими характеристиками или не удовлетворен ими, то следовало привести свои возражения.

Кажется странным и то, что автор совершенно не коснулся форм общественного строя. Термин род (Sippe) даже не упомянут автором, не говоря уже о различных формах родовой организации (матриархат, патриархат). В такой книге, как рецензируемая, не обязательно поднимать теоретические проблемы, можно было дать конкретное описание родового быта. Но и такого описания, к сожалению, не дано.

Вторая часть книги носит труднопереводимое заглавие «Реализм сновидений» (или «грёзовый реализм» — Traum-Realismus). Автор говорит здесь «о действительности, которую индейцы находят в своих сновидениях; о духах, которые населяют их

<sup>1</sup> Fr. Engels, *Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats*, Berlin, 1953, стр. 90—95.

мир, о колдунах — их мудрецах, о ритуальной пляске, посвященной могущественным силам, о священном курении, о курительных трубках и о калюмете — трубке мира» (стр. 115). Автор приводит очень выразительные описания религиозных обрядов и представлений у отдельных народов Северной и Южной Америки, соединив их в одно целое. Ева Липс явственно показывает, как зависимость от природы, примитивность орудий, ограниченность жизненных ресурсов и общественных связей вызывают у индейцев иллюзорные представления о «сверхъестественных силах», способствуют возникновению вымышленных образов духов стихий и заставляют обращаться к душам предков. Однако в своем стремлении приблизиться к индейцам, проникнуть в их душу и видеть мир их глазами автор перегибает палку.

Автор утверждает, что в противоположность реализму современных цивилизованных людей индейцы исстари живут в мире какого-то особого реализма, не соответствующего обычному значению этого слова. «Их действительность — это действительность сновидений, которая пронизывает и пропитывает видимую действительность, так что обе они почти неотделимы друг от друга» (стр. 117). По мнению Е. Липс, мышление индейцев таково, что «сновидение и действительность для них составляют единое целое; между ними не существует разделительной линии» (там же). Она утверждает, что «реализм сновидений составляет не только основу мировоззрения индейцев, но образует также одну из главных побудительных сил всего их мышления, их планов и действий» (стр. 118). Сновидения, грезы, говорит автор, «служат им компасом в разных видах их деятельности» (стр. 144).

Ева Липс поднимает вопрос о соотношении материалистического и идеалистического начала в мышлении первобытных и современных отсталых племен. Ее точка зрения вызывает возражения. В действительности не существует никакого органического различия между их мышлением и мышлением цивилизованных людей, для тех и других существуют единые законы логики. Но бедность опыта, ограниченность положительных знаний создают превратные представления о природе и о себе самих, ведут к фантазиям о сверхъестественном. Повседневная практика заставляет первобытных людей наблюдать над природой, устанавливая некоторые закономерности, накапливать опыт и таким путем постепенно, хотя и очень медленно, осваивать окружающий мир. Это составляет материалистическое начало в их отношении к действительности, которое постоянно борется с вымышленными, иллюзорными представлениями, с религией. В той мере, в какой невежество и ограниченность преобладают в жизни первобытного общества, в его мировоззрении преобладают фантазии о сверхъестественном, создается впечатление будто вся деятельность отдельного человека и общества подчиняется им. Если бы так было в действительности, человечество не развивалось бы. На самом деле развитие культуры обусловлено тем, что положительный опыт отвоевывает себе все большее и большее место и руководит деятельностью человека. В преобладании у первобытных народов ложных представлений о действительности, в их вере в существование сверхъестественных сил, управляющих миром, выражается первобытный идеализм, а не какой-то особый «иллюзорный» реализм.

Ева Липс гораздо более права, когда она указывает, что сновидения и вообще иллюзорные представления задерживают деятельность человека и ведут к фатализму, который побуждает индейцев искать выхода в религиозных культах. Известно, что многие индейские движения сопротивления были облечены в религиозную форму («пляска духов» и др.) и в значительной мере именно поэтому были раздавлены, не принесли желанных результатов.

Автор дает интересное описание традиционных индейских трубок мира; они изготовляются из особого минерала, названного кэтлинитом по имени известного исследователя-художника XIX в. Георга Кэглина, впервые описавшего его месторождение на юге штата Миннесота, носящее английское название Пайпстон («Камень для трубок»). Это месторождение индейцами почитается священным, здесь совершаются традиционные церемонии, символизирующие стремление к установлению мира.

Заслуженное внимание уделяет автор искусству слова у индейцев — культуре слова в быту, ораторскому мастерству.

Главы «Священное растение» и «Наш брат-зверь» посвящены значению растений и животных в жизни индейцев. Однако эти основные объекты хозяйственной деятельности рассматриваются только по их отражению в религии и фольклоре. Не возражая против того значения, которое Ева Липс придает кукурузе (маису), можно пожалеть, что не уделено больше места и другим культурам, которыми индейцы обогатили человечество: какао, картофелю, томату, а также лечебным растениям — хинному дереву, кустарнику кока.

Очень уместно включение в книгу прекрасно написанной главы о неграх в Америке («Интермеццо»). Правда, причины первоначального ввоза невольников из Африки не вскрыты полностью: указана лишь одна из них — идея эксплуатации рабов-негров, и притом она приписана только одному человеку — Лас Касасу (стр. 318). Интересны данные, из каких стран Африки ввозились невольники в те или иные области Южной Америки; приложена даже схематическая карта (стр. 336). Очень полезны сведения о современных малоизвестных группах населения Южной Америки африканского происхождения, например в Суринаме (стр. 338—341). Автор подчеркивает взаимодействие культур индейцев и африканских пришельцев, не говоря уже об образовании группы метисов-самбо.

В качестве вершины самобытной культуры народов Америки в книге описано государство инков. Заслугой Евы Липс является то, что она отвергает попытки трактовать строй государства инков как социалистический. Наиболее ярко эта точка зрения выражена в монографии французского исследователя Луи Бодэна «Социалистическая империя инков»<sup>2</sup>. В своей новой работе, представляющей собой главу об инках в «Энциклопедии Латинской Америки»<sup>3</sup>, Бодэн, хотя и не называет прямо государство инков социалистическим, но это определение все же подразумевается. В фундаментальном издании «Индейцы Южной Америки» Дж. Х. Род в главе о культуре инков подходит к вопросу казуистически: «Можно ли назвать систему инков социалистической, зависит от того или иного определения понятия социализма»<sup>4</sup>. Ева Липс показывает классовый характер общества древнего Перу, деспотическую форму государства инков и доказывает, что здесь не было ничего общего с социализмом (стр. 374—375).

В характеристике культуры инков автор слишком увлекается сакральным флером, окружавшим ее в глазах жителей древнего Перу. Нельзя не возразить против утверждение автора, что «выше, чем все знания в нашем смысле слова, стояла в государстве инков магия» (стр. 367). Ведь сама Ева Липс сообщает о высоко развитом земледелии с искусственным орошением, о многообразии выведенных культур. А великолепные инженерные сооружения — облицованные каналы, мощеные дороги, мосты, переброшенные через пропасти, и прорытые в горах туннели — разве они были бы возможны без «знаний в нашем смысле»? Высокое искусство металлургии (хотя не достигшее плавки железной руды) и разнообразные приемы обработки драгоценных металлов также развились не благодаря магии, а благодаря тому, что государство инков унаследовало накопленные поколениями практические навыки племен Андского нагорья.

Автор высказывает распространенный взгляд, будто у инков не было письменности. Однако известны письменные знаки на могильных плитах некрополя Анкона<sup>5</sup>.

В недавно вышедшей монографии, которой, очевидно, не располагала Ева Липс, боливийский ученый Ибарра Грассо высказал очень убедительную гипотезу о существовании у инков тайного письма<sup>6</sup>. Что касается кипу, то вряд ли можно называть эту систему мнемонических знаков «тайной»; непонятно также, почему автор говорит о ее происхождении из Азии. В том виде, в каком система кипу употреблялась в Перу, она была разработана именно там.

В последней главе с большим уважением и теплотой обрисованы образы индейцев, с которыми встречались Юлиус и Ева Липс: индианка племени монтанье-наскапи, индеец-охотник Джон Нетт Лейк, старая женщина дакота Виканрпитовин («Голубая звезда»). Фотографии автора знакомят читателя с благородными старыми людьми и жизнерадостными смысленными детьми индейских племен.

Автор кончает книгу содержательной мыслью: если в Северной Америке остатки культуры индейцев сходят на нет и история их там клонится к окончательному упадку, то южнее Рио Гранде развивается новая история индейцев. «В странах майя и ацтеков, чибча и кечуа индейцы стоят накануне обновления и нового расцвета своей истории, они воспрянут к новой жизни, как феникс из пепла» (стр. 414).

Книга написана ярким образным языком. Удачны заглавия многих глав: «Откуда они пришли — куда они пошли», «Как-нибудь надо же их подразделить» и т. п.

Особо надо отметить иллюстрации. Большинство их малоизвестно, они взяты из старых редких изданий или воспроизводят предметы из музейных коллекций. Нередко автор пользуется иллюстрациями для проведения аналогий между индейцами и сибирскими народами.

В целом труд Евы Липс, несмотря на некоторые спорные положения, — редкий пример книги, написанной на высоком научном уровне и вместе с тем популярно и увлекательно. «Книга об индейцах» интересна как для ученых-специалистов, так и для широких масс читателей.

Б. Шаревская

<sup>2</sup> L. Baudin, *L'empire socialiste des Incas*, Paris, 1928.

<sup>3</sup> «Encyclopédie de l'Amérique Latine», Paris, 1954. Ch. II. Les Incas par Louis Baudin.

<sup>4</sup> Handbook of South American Indians, Ed. by Jul. H. Steward, Washington, 1946, vol. II. J. H. Rowe. Inca culture at time of the Spanish Conquest.

<sup>5</sup> Tenth Annual Report of Bureau of Ethnology, 1888—89, стр. 706.

<sup>6</sup> Dick Edgar Ibarra Grasso. *La escritura indigena Andina*, 1953 (см. рецензию Ю. А. Зубрицкого в журн. «Сов. этнография», 1956, № 1).